

СКРЫТАЯ ГРАММАТИКА РУССКИХ АТРИБУТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ¹

© 2015 г. Г. И. Кустова

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИРЯ
им. В.В. Виноградова РАН, Россия, 119019 Москва, ул. Волхонка, д. 18/2,
galinaK03@gmail.com

THE CONCEALED GRAMMAR OF THE RUSSIAN ATTRIBUTIVE CONSTRUCTIONS

© 2015 G. I. Kustova

Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher at the V.V. Vinogradov Russian
Language Institute of the RAS, 18-2 Volkhonka Str., 119019 Moscow, Russia,
galinaK03@gmail.com

В статье рассматриваются имена функциональных артефактов, т.е. имена, имеющие функциональный предикат (*нож* – ‘резать’). Выделяются две группы артефактов – агентивные (инструменты, средства) и потребительские (одежда, мебель), и две группы распространителей (относительных прилагательных), связанных с внутренним функциональным предикатом, – актантные (обозначающие объект, ср. *рыбный нож*, и субъект, ср. *детская кровать*) и не-актантные (обозначающие место, ср. *кухонный нож*, сферу, ср. *военная форма*, ситуацию использования, ср. *купальная шапочка*). Структура значения словосочетаний “относительное прилагательное + функциональный артефакт” рассматривается как аналог структуры предложения.

This article discusses the names of functional artifacts, i.e. the nouns that have a functional predicate (*knife* – ‘to cut’). There are two groups of artifacts: agentive artifacts (tools, means) and consumer artifacts (clothes, furniture); and there are two groups of attributes (relative adjectives): argument attributes (they denote object, cf. *fish knife*, and subject, cf. *children’s bed*) and non-argument attributes (they denote place, cf. *kitchen knife*, scope, cf. *military uniform*, situation of use, cf. *bathing cap*). The meaning structure of collocations “relative adjectives + functional artifacts” are considered as an analogue of the sentence structure.

Ключевые слова: функциональный артефакт, относительное прилагательное, агентивные и потребительские артефакты, актантные и не-актантные распространители.

Key words: functional artifact, relative adjective, agentive and consumer artifacts, argument and non-argument attributes.

1. Относительные прилагательные и функциональные артефакты

1.1. Функциональные артефакты

Сочетание относительного (особенно отпредметного) прилагательного с существительным (далее сокращенно – AS = Adjective + Substantive), как неоднократно отмечалось в литературе [1, 2, 3], в большинстве случаев обозначает ту или иную частную разновидность предмета (класса объектов), названного существительным: *речная рыба* и *морская рыба* – разновидности

рыбы; *книжный шкаф* и *посудный шкаф* – разновидности шкафов.

ПРИМЕЧАНИЕ. Разновидности предметов могут обозначаться не только с помощью отсубстантивных, но и с помощью глагольных прилагательных: *стиральный порошок*, *полировальный порошок*; *лечебное средство*, *чистящее средство*.

Такого рода составные номинации, будучи вполне конвенциональными названиями соответствующих разновидностей объектов (которые, вообще говоря, могли бы быть однословными, ср. *посудный шкаф* и *сервант*), формально близки к устойчивым сочетаниям типа *тяжелая атлетика*, но семантически, в отличие от последних, не

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 14-04-00507а.

обладают идиоматичностью, поскольку их элементы сохраняют свое прямое значение.

Парадоксальное свойство сочетаний с относительными прилагательными состоит в том, что, будучи НОМИНАЦИЯМИ, они в то же время содержат в себе скрытую, редуцированную ПРЕДИКАЦИЮ. Сочетанию AS с относительным прилагательным соответствует семантическая формула – “отношение”, семантическая модель, – которую носитель языка так или иначе расшифровывает, реконструирует, извлекает из сочетания AS, – в противном случае он просто не понимает (не полностью понимает) значение этого сочетания.

Типы отношений в AS с отсубстантивными прилагательными, т.е. их семантические модели (формулы), многократно описывались в литературе (представительный список см., например, в [4, 5, 6]), ср.: *речная рыба* – ‘водится в реке’, *овощной суп* – ‘приготовленный из овощей’, *автомобильное колесо* – часть целого, *вишневый сад* – множество-элементы и т.д. В лингвистике существует многолетняя дискуссия по поводу того, каков статус этих семантических моделей, можно ли считать их значениями относительного прилагательного и помещать в словарь [4, 5, 6]. Мы не будем обсуждать эту дискуссию, поскольку данный тип сочетаний не является предметом нашей работы. Отметим только, что, во-первых, внутренний предикат AS выводится с опорой на экстралингвистические знания и семантику обоих субстантивов, т.е. определяемого существительного и субстантива, от которого производно прилагательное; во-вторых, многие из семантических моделей AS отражаются в словарях как отдельные значения относительных прилагательных [4].

В данной работе круг прилагательных будет расширен, а круг существительных – сужен. У прилагательных кроме отпредметных (*хлебный*) и локативных (*садовый, кухонный*) мы будем рассматривать также: ситуативные прилагательные, образованные от глаголов и ситуативных (в том числе – отглагольных) существительных (*прогулочный, дуэльный, обеденный, банкетный*); прилагательные от названий сферы деятельности (*военный, авиационный, медицинский*); прилагательные от названий лица (*женский, охотничий, режиссерский*). Из существительных будут рассматриваться только функциональные имена – имена функциональных артефактов².

² Не всякое имя артефакта является функциональным. Например, *печенье*, хотя оно производно от предиката *печь*, не является функциональным именем, а существительное *печь* – является.

Из соображений экономии вместо “существительное, обозначающее функциональный артефакт”, иногда будем говорить просто “артефакт”.

Имя функционального артефакта в своей семантической структуре содержит функциональный предикат. Поскольку функциональный предикат соответствует предназначению, цели использования артефакта, его удобно передавать с помощью целевого оператора ‘чтобы’. Функциональный предикат может выражать функцию референта существительного с большей или меньшей степенью абстрактности: *инструменты, приспособления, средства* – ‘чтобы воздействовать’ (тем или иным образом) на объекты внешнего мира и тело самого человека. У других функциональных имен функциональные предикаты более конкретны: *нож* – ‘чтобы резать’; *молоток* – ‘чтобы бить, ударять’; *клей* – ‘чтобы клеить’; *краска* – ‘чтобы красить’; *лекарства* – ‘чтобы лечить’; *музыкальные инструменты* – ‘чтобы играть’; *транспорт* – ‘чтобы перевозить’; контейнеры (*шкаф, бочка, сумка*) – ‘чтобы хранить / перемещать что-л.’, и т.д.

ПРИМЕЧАНИЕ. Функциональные номинации человека (ср. *учитель, пекарь, сторож*) в данной работе не рассматриваются.

1.2. Денотативное и семантическое (функциональное) присоединение

Хотя функциональный артефакт всегда содержит внутренний предикат, этот предикат может участвовать, а может не участвовать в семантической формуле AS. В зависимости от этого можно выделить два типа характеристик, выражаемых относительным прилагательным А, – денотативные и функциональные (семантические).

Характеристики, которые относятся к денотату (референту) существительного как физическому предмету и не связаны с функциональным предикатом артефакта, можно назвать денотативными, а тип связи А и S – денотативным присоединением³. Вот примеры денотативного присоединения отсубстантивных прилагательных: *дубовый шкаф* (материал); *трехколесный велосипед* (особенности формы и структуры); *итальянские сапоги* (место производства).

Отглагольное денотативно присоединяемое (нефункциональное) прилагательное обозначает

³ Денотативное и семантическое присоединение прилагательных к личным существительным мы рассмотрели в работе [7], ср. также [8, 9, 10].

ситуацию, не связанную с основной функцией артефакта: *складной нож* можно сложить, но есть и другие ножи, которые не складываются, к их функции ‘резать’ это не имеет отношения; ср. также *надувной матрас*, *подъемный мост*. Денотативно присоединяемые глагольные прилагательные могут быть субъектными (если референт существительного является субъектом ситуации, обозначаемой глагольным прилагательным): *бегущая строка*, а могут быть объектными (если референт существительного является объектом и, соответственно, дополнением производящего глагола): *складной нож*; *раздвижной стол*; *приставной стул*⁴. В этом отношении нефункциональные глагольные прилагательные являются аналогами активных и пассивных причастий.

Второй тип характеристик, – когда прилагательное семантически связано с функциональным предикатом артефакта, – можно назвать семантическим, или, иначе, функциональным, присоединением, а соответствующее прилагательное – функциональным распространителем. При функциональном присоединении AS обозначает **функциональную разновидность** (т.е. разновидность, связанную с предназначением и использованием) артефакта, ср. *обоинный клей*, (‘чтобы клеить обои’), *прогулочный катер* (‘чтобы совершать водные прогулки’), а прилагательное выражает его **функциональную специализацию**.

Глагольные функциональные прилагательные (как и внутренние функциональные предикаты артефактов) являются аналогами целевых распространителей (‘чтобы Р’). По отношению к неглагольным распространителям типа *обоинный [клей]*, *детская [обувь]* более корректно было бы говорить, что они выражают предназначение (‘для Х’), а не функцию – собственно функция выражается внутренним предикатом артефакта (*обоинный клей*: предназначение – ‘для обоев’, функция – ‘клеить’). Однако в нашу задачу не входит разграничение понятий “предназначение” и “функция” (см. подробнее об этом [11]); отметим только, что в литературе говорят как о предназначении, так и о функции функциональных предметов [8, 11], – но от “предназначения” трудно образовать прилагательное, поэтому мы будем пользоваться термином “функциональный” для всех распространителей, которые обозначают

функциональную специализацию, в том числе для отсубстантивных⁵.

ПРИМЕЧАНИЕ. Если артефакт обозначен родовым существительным, например: *устройство* (‘предмет, предназначенный для реализации ситуации Р’), *машина*, *механизм*, *прибор*, *приспособление*, *материал*, *порошок*, *состав*, *смесь*, *средство*, *раствор*, *капли* и т.п., – глагольное прилагательное обозначает не специализацию, а основную функцию артефакта, т.е. является своего рода результатом экскорпорации функционального предиката: *летательный аппарат* (ср. *самолет*); *запорное устройство* (ср. *замок*), *стиральный порошок* (ср. *мыло*); *лечебное средство* (ср. *лекарство*). Такое “вынесение вовне” внутреннего предиката (т.е. основной функции артефакта) мы далее рассматривать не будем (этому посвящена другая работа, см. [12]), а будем рассматривать только распространители, выражающие специальную функцию (функциональную специализацию) артефакта.

AS с функциональными распространителями (*овощной нож*), как и AS с нефункциональными распространителями (*овощной суп*), тоже имеют семантические формулы, но они либо даются в словарях в самом общем виде (*кухонный* – ‘предназначенный для кухни’, ср. *кухонный стол*), либо вообще не отражаются в словарях в качестве значений соответствующих относительных прилагательных (например, в статье *овощной* нет значения ‘предназначенный для’ [13]. Это происходит, по крайней мере, по двум причинам.

Во-первых, скрытый семантический предикат сочетания типа *овощной нож* извлекается не из прилагательного А и даже не из анализа отношения двух предметов (как в случаях типа *овощной суп*), а из существительного S, так что его никак нельзя представить в качестве значения прилагательного А. Например, внутренний предикат прилагательного *обувной*, точнее – производящего существительного *обувь*, – ‘носить’ (‘Х носит Y’), однако он не участвует в интерпретации сочетаний *обувной S*, в их семантическую формулу входит только предикат, извлекаемый из существительного S: *обувная коробка* – ‘где хранят обувь’; *обувной крем* – ‘чем мажут обувь’; *обувная мастерская* – ‘где ремонтируют обувь’; *обувная фабрика* – ‘где производят обувь’. При интерпретации сочетаний *спичечная коробка* и

⁴ Поскольку нефункциональные прилагательные никак не ориентированы на внутренний предикат существительного, они сочетаются как с артефактами, так и с именами натуральных классов, ср. *привозные станки* – *привозные огурцы*, *плавающий ресторан* / *госпиталь* – *плавающая водоросль*.

⁵ Н.Д. Арутюнова [8] использует термины “функциональная номинация”, “функциональное обозначение”, “функциональное значение”, однако в качестве функциональных она рассматривает не только номинации артефактов, но и, например, обозначения внутривидовых различий натуральных классов (*гончие*, *сторожевые собаки*).

обувная коробка не имеет никакого значения, что спички зажигают, а обувь носят, в обоих случаях актуален только предикат коробки ‘хранить’⁶. Что касается AS с глагольными прилагательными, в их толкованиях, как правило, есть “функциональная” формулировка (*прогулочный* – ‘предназначенный, служащий для прогулки’, однако не всегда: в статье *строительный* нет “функциональной” формулировки, а дается общая для относительных прилагательных формулировка ‘относящийся к строительству’ [13]. Но эта функциональная формулировка не отражает конкретную формулу отношения предиката существительного и предиката прилагательного: *прогулочный катер* – ‘чтобы совершать прогулки, передвигаясь по воде’, ср., однако: *прогулочный дворик*; *прогулочная коляска*; *прогулочный зонтик*.

Во-вторых, семантических формул, эксплицирующих значение сочетаний типа *обоинный клей* или *прогулочный катер*, нет в словарях по той же причине, по какой в словарях нет значений предложений *Мы приклеили обои клеем* или *Мы совершили прогулку на катере*: значения предложений “вычисляются” по общим правилам грамматики. Сочетания AS с функциональными распространителями интерпретируются по тому же принципу, что и предложения, – по принципу грамматических (синтаксических) конструкций. Но какие именно конструкции стоят за функциональными разновидностями артефактов, систематически не рассматривалось.

Вообще, если сочетаниям AS с нефункциональными распространителями (типа *овощной суп* или *вишневый сад*) посвящена большая литература, то функциональные AS остаются на периферии (рассматриваются либо функциональные существительные без распространителей [8], ср. *пробка*, *крышка*, либо функциональные вместе с нефункциональными [14], ср. *комнатная собачка* (‘живет дома’) – *кухонный нож* (‘используется на кухне’)⁷). Если же описывались связи внутреннего предиката функционального имени, то в центре внимания оказывались прилагательные, выражающие его валентности, – актантные рас-

пространители, ср.: *глазной врач* (‘лечит глаза’), *овощной нож* (‘режет овощи’) – валентность объекта (см. [4, 5, 6, 15]). Такая “дискриминация” не кажется оправданной. Хотя значения функциональных AS вычисляются по правилам, их модели заслуживают внимания и изучения, как и модели предложений: во-первых, как мы попытаемся показать ниже, к внутреннему семантическому предикату артефакта присоединяются не только актанты этого предиката, но и другие виды распространителей, и в этом случае реконструкция семантической формулы не столь тривиальна, как для актантных распространителей; во-вторых, внутренний предикат артефакта, как и предикат предложения, допускает отнюдь не любые, а определенные типы распространителей; в-третьих, те семантические операторы, которые обычно используются в формулах функциональных AS, – ‘для’, ‘чтобы’, ‘предназначен’ – с когнитивной точки зрения совершенно недостаточны и подлежат дальнейшей конкретизации.

В данной работе мы ставили перед собой две задачи: когнитивную – показать, что за формулой функциональных артефактов ‘для Р’ стоят более сложные (и разные!) семантические структуры, т.е. разные AS понимаются носителем языка по-разному; и грамматическую – показать, что интерпретация функциональных артефактов может рассматриваться как область – скрытой – грамматики, т.к. при их понимании носитель языка строит (“реконструирует”) синтаксическую структуру на базе входящих в значения А и S семантических предикатов, аналогичную моделям предложений.

1.3. Типы артефактов и типы распространителей

Интерпретация функциональных AS, как будет показано ниже, зависит от типа артефакта и типа распространителя.

Типы артефактов.

Внутренние предикаты артефактов различаются по своей семантике, поэтому присоединяемые к ним распространители (даже одного и того же типа) получают разную интерпретацию. В зависимости от этого можно выделить две основные группы артефактов.

Одни артефакты – инструменты и средства⁸ – создаются человеком, чтобы с их помощью **воз-**

⁶ Конечно, семантические характеристики существительного, от которого произведено А, тоже учитываются при расшифровке AS. Например, *картонная коробка* – это не ‘коробка, в которой хранят картон’, а ‘коробка, сделанная из картона’. Тем не менее формула ‘в которой хранят картон’ у этого AS теоретически тоже есть.

⁷ В работе Е.А. Земской функциональное значение упоминается в качестве одного из относительных: “отношение назначения, трансформ – сочетание с предлогом *для* с род. пад.” [5, с. 139], – при этом в числе примеров фигурируют как функциональные артефакты, ср. *тракторное топливо*, так и другие существительные, ср. *питьевые фонтанчики*.

⁸ Инструменты – это обычно физические предметы, средства – чаще вещества и массы (но не всегда). Как показал Ю.Д. Апресян [4], инструменты “высвобождаются” по окончании ситуации и могут использоваться еще раз, а средства расходуются (*красить стену краской*, *писать чернилами*) или связываются (*накрыть стол скатертью*), см. также [16].

действовать на объекты внешнего мира, в том числе на других людей и на свое собственное тело, и менять их свойства (признаки) и состояния или создавать новые объекты. Поскольку они участвуют в агентивных ситуациях (см. [17]), их можно назвать **агентивными**⁹.

Кроме обычных инструментов, ср. *нож, ножницы, игла, лопата, молоток, топор, ручка, карандаш*; столовые приборы – *вилки, ложки* и т.п., к инструментам относятся машины, механизмы, приборы (*плита, лампочка*), оружие, а также транспорт.

Транспорт отличается от “обычных” манипулируемых инструментов тем, что он является еще и местом, где находится перемещаемый человек или предмет. Поэтому транспорт мы будем рассматривать как особый класс агентивных артефактов.

Средства также разнообразны: кроме “обычных” средств (*клей, краска, мазь, нитки, мыло*) к этой группе относятся также лекарства, косметика, бытовая химия и т.п. (участник “Средство” бывает только в агентивных ситуациях, см. [17, с. 63–78]).

Другие артефакты – мебель и одежда – обеспечивают удобство реализации каких-либо ситуаций, повышают комфортность существования человека. Назовем их **потребительскими**.

Прочие группы артефактов мы не рассматриваем, заметим только, что они примыкают к двум основным. Например, помещения “сопровождают” разные виды деятельности, но не участвуют в ней, т.е. примыкают к потребительским артефактам. При этом помещения могут не указывать на свое предназначение или производимую в них деятельность, ср. *зал*, и тогда предназначение выражается функциональным прилагательным, ср. *читальный, лекционный, концертный, танцевальный, выставочный, спортивный, банкетный, репетиционный, торговый зал*, а могут указывать, ср. *кухня, склад*. Это важно для поведения образованных от них прилагательных (ср. *кухонный*), которые выступают как распространители других артефактов (см. ниже). Контейнеры – это, так сказать, “помещения” для предметов (*посуда, коробки, бочки, шкафы*), их типичные распространители – содержимое: *книжный шкаф, конфетная коробка*. Учреждения – *рестораны, клубы, театры, гостиницы, школы, больницы, тюрьмы* (за исключением предприятий, где что-то производят и которые являются аналогами агенса, ср.

мастерская, фабрика) – имеют двоякую природу, т.к. там есть “персонал”, который что-то производит, обслуживает, обучает, охраняет и т.д., т.е. агенс (официанты, артисты, учителя, врачи, охранники), и “клиенты”, которые потребляют услуги, получают знания или лечение, отбывают наказание и т.д. Нас будут интересовать не имена учреждений, а производные от них прилагательные (ср. *больничный, тюремный, ресторанный*).

Типы распространителей.

У функциональных артефактов как типа объектов (и у каждого отдельного функционального артефакта) есть своего рода функциональная анкета – набор параметров, характеристик, связанных с разными аспектами и ситуациями **использования** артефакта. Эти характеристики и есть распространители артефакта (конечно, они не всегда выражаются прилагательными, ср.: *клей для обоев*).

Актантные распространители артефакта (точнее – его функционального предиката) – объект (на что воздействует артефакт, для каких объектов он предназначен), ср. *хлебный нож, снеговая лопата, плиточный клей*, и субъект (кто использует артефакт, для каких субъектов он предназначен)¹⁰, ср. *детская кровать, милицмейская форма*, – выражаются прилагательными от предметных и личных существительных. Субъектные распространители бывают двух основных типов – это прилагательные от демографических обозначений лица (по полу и возрасту), ср. *детский, женский*; такие прилагательные будем называть демографическими, – или это прилагательные от функциональных названий лица (по деятельности), ср. *охотничий* (см. ниже)¹¹.

Кроме актантных распространителей функциональную специализацию агентивных артефактов могут также выражать прилагательные со значением места использования (пространственные, локативные); сферы использования; ситуации использования.

¹⁰ Другие актантные распространители (экспериментер, адресат) у агентивных артефактов не встречаются, поскольку эти артефакты связаны с агентивными глаголами физического действия, не имеющими таких актантов.

¹¹ Прилагательные типа *детский, хлебный* и даже *охотничий* сами по себе не являются функциональными – они обозначают функциональную разновидность (предназначение для данного вида объектов или субъектов) только в качестве распространителей артефактов. Глагольные прилагательные типа *стиральный* обычно функциональные и в словарях, как правило, имеют толкование ‘предназначенный, служащий для’, однако у них есть и нефункциональные употребления, ср.: *переговорное устройство* vs. *переговорный процесс*.

⁹ Ср. также противопоставление “агентивных” и “пациентных” имен в [14, с. 114–115].

Пространственные (локативные – в широком смысле) распространители указывают на разные типы пространств: пространство, приспособленное или созданное человеком для своих нужд, – так сказать, функциональное пространство (*садовые [скамейки], пляжные [кресла], городской [автобус]*), функциональное помещение (*кухонный [нож], офисный [стул]*), учреждение (*больничный [халат], ресторанный [столик]*). Локативные распространители (*садовый, кухонный*) в контексте функциональных артефактов обозначают не ‘где находится Y’, а ‘где используется Y’ [18, 14]¹².

У некоторых артефактов в качестве функциональных распространителей выступают также темпоральные прилагательные (‘когда используется’): *зимняя одежда*, – но их мы рассматривать не будем.

Сфера деятельности человека и сфера функционирования артефакта (своего рода социальное функциональное пространство) обозначается прилагательными типа *военный [самолет], авиационный [клей], медицинский [клей]*.

ПРИМЕЧАНИЕ. Одно и то же прилагательное может выступать в разных моделях: *военная форма* – для военных (субъект); *военная техника* – для военных действий, для армии (ситуация или сфера использования).

Ситуативные распространители обозначают не ситуацию, которая соответствует основной функции артефакта, ср. *стиральный порошок* (такие случаи экскорпорации мы, как уже было сказано, не рассматриваем), а специальную ситуацию использования артефакта, у которого есть полноценный внутренний предикат, ср. *разведывательный самолет* – ‘для разведки’; *купальная шапочка* – ‘для купания’, и эти распространители вступают в определенные отношения с внутренним предикатом артефакта, ср. *гримерный клей* = ‘клеить’ → ‘гримироваться’.

ПРИМЕЧАНИЕ. Во избежание путаницы прилагательные типа *сигнальный, купальный, гримерный, разведывательный* будем называть ситуативными, а прилагательные, обозначающие внутренний предикат (‘глагол’), вынесенный во вне (как в *стиральный порошок*), – глагольными.

К ситуативным примыкают прилагательные от **функциональных названий лица** (*охотничий, саперный, режиссерский*), которые в контексте артефакта указывают не столько на субъекта, сколько на ситуацию использования артефакта (*охотничье ружье* используется в ситуации охоты).

В разделе 2 мы рассмотрим типы распространителей агентивных артефактов, в разделе 3 – потребительских.

2. Агентивные артефакты

2.1. Актантные распространители

Языковой материал, иллюстрирующий основные типы распространителей агентивных артефактов, приведен в таблице 1¹³.

Объектные распространители артефактов – *хлебный и рыбный нож, обойный и плиточный клей* – показывают, что свойства этих артефактов рассчитаны на разные типы объектов (хлеб удобнее резать хлебным ножом, а не рыбным; а плитку вообще не стоит приклеивать обойным клеем).

ПРИМЕЧАНИЕ. Конечно, есть случаи метонимического смещения: *консервный нож* – не ‘резать консервы’, а ‘вскрывать (‘резать’) консервные банки’. *Сапожный нож* – не ‘резать сапоги’, а ‘резать кожу, резину и т.п. при пошиве и ремонте сапог’, т.е. здесь прилагательное указывает на сферу деятельности (‘для сапожного дела’), но за ней скрывается объект.

Что касается **субъектных** распространителей, то **демографические** прилагательные вступают в противоречие с функциональной природой артефактов и не могут интерпретироваться по общей схеме. Формально *дамский пистолет* значит ‘для дамы’, и *дамский* занимает место субъекта при внутреннем предикате артефакта: ‘чтобы стреляла дама’. Однако, в строгом смысле, такие AS не обозначают функциональную специализацию. У агентивных артефактов, вообще говоря, не должно быть функциональной специализации по субъекту, потому что артефакт может использовать любой агент: из пистолета может стрелять кто угодно. *Дамский пистолет* не означает, что дамы стреляют по-другому или что сам пистолет стреляет по-другому, чем обычный. Просто *дамский пистолет* должен помещаться в дамскую су-

¹² Вообще, прилагательные с локативной семантикой могут входить в AS с разными семантическими моделями: локализация (‘где находится’), ср. *лесная избушка* (это не разновидность избушек, а избушка, которая стоит в лесу, см. [3, с. 136]); нефункциональная разновидность предмета (*садовые ягоды*, в отличие от *лесных*); функциональная разновидность (‘где используется’) – в контексте агентивных артефактов, ср. *садовые ножницы*.

¹³ Примеры сочетаний относительных прилагательных с функциональными существительными извлечены из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ или Корпус).

Таблица 1

Типы распро- странителей	Типы агентивных артефактов		
	Инструмент	Средство	Транспорт
Объект	хлебный, рыбный, мясной, стейковый, кондитерский нож ; пирожная, хлебная, снеговая, навозная лопата ; рыбная, устричная, десертная вилка	обойный, столярный, плиточный, цементный, шубный клей ; универсальный клей ('для всего'); оконная, половая, фасадная, корабельная, штемпельная, пищевая краска ; паркетный лак ; обувной, сапожный крем ; моторное, автомобильное, машинное, трансформаторное, турбинное масло ; сердечные, желудочные, глазные капли	пассажирский, грузовой поезд / самолет / такси
Субъект демогр.	детская ложка / лопатка ; дамский пистолет	детский, женский крем ; детский, женский, мужской шампунь	городской автобус
Пространство	садовый нож ; садовая пила ; садовая, огородная, кладбищенская лопата ; уличный фонарь		
Помещение	кухонный, столовый, канцелярский нож	канцелярский, конторский клей	
Учреждение	театральный бинокль	типографская, театральная краска	школьный автобус [‘возит в школу’; тж. объект: ‘возит школьников’]
Сфера	армейский, артиллерийский, военный бинокль ; медицинская игла	строительный, авиационный, медицинский, промышленный клей ; строительная, малярная, армейская краска	военный самолет ; полицейская машина
Функциональ- ный субъект	охотничье ружье ; хирургический, охотничий, мясницкий нож ; дворницкая лопата ; саперная лопатка ; шпионский, диверсантский бинокль ; учительская указка ; портняжные ножницы		
Ситуация	разделочный (ср. мясницкий), прививочный (ср. садовый), перочинный нож (= инструмент), боевой, десантный, метательный нож (= оружие); десантная, столярная пила ; швейная игла ; дульный, сигнальный пистолет ; сигнальная лампочка	гримерный, монтажный, реставрационный клей ; дубильная, огнезащитная, камуфляжная, маскировочная краска ; массажное, промывочное масло	прогулочный катер ; сторожевой корабль ; разведывательный самолет ; гоночный, пожарный, боевой, учебный автомобиль

мочку, поскольку дамы обычно не носят кобуру, – т.е. дамский указывает на размер (и, возможно, отделку)¹⁴. Однако пистолет нужен не 'чтобы носить', а 'чтобы стрелять', и удобство переноски –

¹⁴ По-видимому, размер оружия может быть функциональным, т.е. связанным со стрельбой: от него может зависеть количество патронов в обойме, убойная сила, дальность выстрела. Но размер, ориентированный на дамскую сумочку, функциональным не является.

не функциональная, а потребительская специализация. Аналогично *детская ложка* – это обычная ложка, только маленького размера, т.е. эти прилагательные косвенно указывают на размер самого артефакта. *Детский*, кроме того, может означать, что это имитация артефакта, т.е. игрушка: *детский пистолет* не стреляет пулями, а *детская лопатка* годится для игры в песочнице, но не годится для рытья траншеи. Показательно, что сочетания типа

мужской нож, мужская лопата и даже *мужской пистолет* в НКРЯ не встречаются.

Сочетания типа *мужская краска, женский клей* (т.е. демографическое прилагательное + артефакт-средство) в Корпусе тоже не встречаются. Что касается косметики и средств по уходу, то в их семантических формулах, в конечном счете, содержится указание на объект. *Мужской и женский шампунь* учитывает особенности (различия) мужских и женских волос как объекта воздействия, *детский крем* учитывает особенности кожи ребенка как объекта воздействия, – т.е. сочетания демографических прилагательных со средством данного типа являются результатом метонимической компрессии, и демографическое прилагательное (формально субъектный распространитель) относится к объекту: *женский шампунь* – ‘чтобы мыть женские волосы’.

Таким образом, основным актантным распространителем, отражающим функциональные различия агентивных артефактов, является объектный, а демографические субъектные распространители практически всегда косвенно указывают на что-то другое (обычно на объект или на размер).

2.2. Неактантные распространители: место, сфера, ситуация использования

Неактантные распространители не присоединяются непосредственно к функциональному предикату артефакта: *кухонный нож* не *‘режет кухню’, а *строительный клей* не *‘клеит строительство’ и не ‘строит’. Такие AS имеют более сложную интерпретацию (семантическую формулу): ‘предназначен для использования в месте W / в ситуации W / в сфере W’. Тем не менее они тоже являются функциональными, поскольку они семантически связаны именно с функциональным предикатом артефакта и указывают на его функциональную специализацию.

Пространство. Пространственные прилагательные в контексте агентивных артефактов обозначают не просто пространство, а функциональное пространство, регулярно связанное с определенным типом деятельности и, по существу, метонимически обозначают именно этот тип деятельности. Сад – это пространство, где человек что-то выращивает (а не просто место, где что-то растет, как в лесу). Конечно, по саду можно гулять, как по лесу (ср. *садовые дорожки*), но в контексте агентивных артефактов соответствующие пространственные прилагательные указывают на деятельность: *садовые ножницы, садовая лопата* – ‘для садовых работ’.

Кроме того, эти прилагательные косвенно указывают также на тип объектов, связанных с данным пространством: *садовые ножницы, садовый нож* – ‘чтобы резать то, что обычно режут в саду’ (например, обрезать ветки); *кладбищенская лопата* – ‘чтобы рыть могилы’.

Помещение. Аналогичным образом прилагательные от функциональных названий помещений (*кухонный, канцелярский*) содержат предикат и метонимически указывают на тип деятельности. В таких AS соединяются две ситуации: функция артефакта и типичная деятельность в данном месте. Между ними возникают определенные отношения. Например, *кухня* – это функциональное помещение, предназначенное для приготовления пищи. И *кухонный нож* не просто ‘используется на кухне’, но, так сказать, предназначен ‘для кухонных работ’, ‘для использования в ходе приготовления пищи’. Здесь опять место имплицитно не только деятельности, но и типичный объект: *кухонный нож* – ‘чтобы резать продукты’ (‘то, что обычно режут на кухне’). В этом смысле локативные распространители до известной степени аналогичны актантным: *овощной нож* – ‘для овощей’, *кухонный нож* – ‘для любых продуктов’.

В контексте средства прилагательное от функционального названия помещения также косвенно указывает на объект: *канторский / канцелярский клей* – ‘чтобы клеить то, что обычно клеят в канторе / канцелярии, – бумагу, картон’. При этом на деятельность такое прилагательное не указывает: “канцелярская деятельность” – это “бумагооборот” (документооборот), а канцелярский клей используется для бумаги, а не для “бумагооборота”.

Сфера. Прилагательные со значением сферы деятельности не указывают на какую-то конкретную ситуацию, поскольку сфера предполагает разнородные типы деятельности: “военный + артефакт” – не только ‘для войны’, но и ‘для военной службы’; поэтому такие прилагательные в контексте агентивных артефактов в большей степени косвенно указывают на объект: *военная краска* – ‘для военной техники’, а не ‘для войны’ (а уже *военная техника* – ‘для военных действий’); *авиационный клей* предназначен не для полетов, а для склеивания деталей летательных аппаратов; *медицинский клей* используется не для лечения, а для соединения (“склеивания”) тканей тела после операции.

Ситуация и функциональный субъект. Аналогичным образом интерпретируются сочетания с ситуативными распространителями:

строительный клей – ‘чтобы клеить что-то в ходе строительных работ’; *гримерный клей* – ‘чтобы приклеивать то, чем гримируются (в ситуации гримирования)’; *разделочный нож* – ‘чтобы разделять мясные туши’ (прилагательные косвенно – через ситуацию – указывают на объект).

ПРИМЕЧАНИЕ. Для прилагательных типа *медицинский*, *строительный* и подобных иногда трудно разграничить указание на сферу или ситуацию: *строительный* может указывать и на ситуацию “строить”, и на строительную отрасль. Вообще, такой “синкретизм” свойствен многим распространителям: *типографский*, *театральный* указывают и на учреждение, и на сферу (‘типографское дело’; ‘театральное искусство’). Важно, что за ними стоит определенная ситуация (печать, театральное представление).

Прилагательные от функциональных названий лица – *саперный*, *охотничий* и подобные – также указывают на ситуацию использования, поэтому мы не рассматриваем их в разделе субъектных распространителей; *охотничье ружье* не отражает свойств субъекта: охотник, водопроводчик и продавец стреляют одинаково; *охотничье ружье* нужно для охоты, и сам охотник называется так потому, что участвует в ситуации охоты.

Если ситуация предполагает типичный объект, прилагательное косвенно указывает и на объект: *охотничье ружье* – ‘чтобы стрелять дичь в ситуации охоты’; *охотничий нож* – ‘чтобы разрезать туши и шкуры животных, добытые на охоте’; *саперная лопатка* – ‘чтобы закапывать и выкапывать мины в ситуации минирования / разминирования’.

Поскольку неактантные распространители так или иначе указывают на ситуацию – ситуативные прямо, а прилагательные со значением места и сферы использования – косвенно, – можно было бы думать, что все эти распространители обозначают новую функцию артефакта: *ружье* – ‘для стрельбы’ → *охотничье ружье* – ‘для охоты’; *клей* – ‘для приклеивания’ → *гримерный клей* – ‘для гримирования’. В действительности, этот второй, так сказать внешний, предикат А в большинстве случаев не становится новой функцией артефакта, а соотносится с внутренним предикатом артефакта S более сложным образом (что должно учитываться в семантической формуле AS).

Так, *охотничье ружье* необходимо и достаточно для стрельбы, но при этом не достаточно для охоты (более сложной ситуации): на охоте сначала нужно выследить дичь, а потом стрелять; *кухонный нож* сам по себе не готовит пищу (для

этого нужна плита); *строительный клей* не строит (для строительства нужны стройматериалы, а иногда и специальная техника); *артиллерийский бинокль* не стреляет (стреляет пушка), *гримерный клей* сам по себе не меняет внешность, т.е. не гримирует (для этого нужны борода, усы, накладной нос и т.д.) – т.е. гримирование не является функцией *гримерного клея* в буквальном смысле, его функцией остается приклеивание. С другой стороны, “действие” артефакта (обозначаемое его функциональным предикатом) связано с ситуацией распространителя А неслучайным образом и является все-таки необходимым для реализации этой ситуации: артефакт участвует в реализации “вмещающей” ситуации А на определенном этапе: *кухонный нож* участвует в ситуации приготовления пищи на том этапе, когда ее режут; *артиллерийский бинокль* необходим, чтобы прицелиться и произвести точный выстрел; без *гримерного клея* накладные борода и усы не будут держаться.

Неактантный распространитель встраивает “действие” артефакта, соответствующее его внутреннему функциональному предикату, в новый фрейм – сложную ситуацию, состоящую из разных этапов и разных действий (поэтому неактантные распространители будем называть также **фреймовыми**). Такой распространитель обозначает некоторую более отдаленную цель человека, для достижения которой действие артефакта является необходимым, но не достаточным условием. В этом новом фрейме основная функция (цель использования), выражаемая внутренним предикатом артефакта (‘стрелять’, ‘резать’, ‘клеить’, ‘увеличивать объект восприятия’ и т.д.), обычно остается неизменной: *садовый нож*, *кухонный нож*, *охотничий нож*, *хирургический нож* – в разных фреймах имеют функцию ‘резать’, а фреймовое прилагательное указывает на конечную цель агенса, а не на новую функцию ножа.

Однако есть случаи, когда можно говорить об изменении исходной функции артефакта: в AS типа *разведывательный самолет*, *прогулочный катер*, *камуфляжная краска*, *гоночный автомобиль* ситуативное прилагательное обозначает не просто цель агенса, использующего S, а специальную функцию самого артефакта: если *гримерного клея* недостаточно, чтобы загримироваться, нужны еще борода и усы, то *маскировочной / камуфляжной краски* достаточно, чтобы замаскировать / закамouflировать что-либо, т.к. сама краска выступает как маскирующее средство; *разведывательного самолета* достаточно, чтобы произвести (воздушную) разведку; *прогулочного катера* достаточно, чтобы совершить (водную) прогулку; *гоночного автомобиля* достаточно,

чтобы участвовать в гонках. Распространитель А обозначает ситуацию, которая становится основной функцией, основной целью использования артефакта, а его исходная (бывшая основная) функция становится средством для достижения этой цели. *Самолет* как транспорт нужен для того, чтобы ‘перемещать (доставлять) по воздуху [пассажиров или грузы]’, а *разведывательный самолет* нужен, чтобы ‘перемещаясь по воздуху, разведывать’, т.е. наблюдать, собирать информацию. Хотя исходная функция при наличии специальной, вообще говоря, сохраняется (пусть и в редуцированном виде), тем не менее свойства артефакта в результате приспособления к новой функции иногда меняются настолько существенно, что в исходной функции его использовать, как правило, нецелесообразно: *сигнальная лампочка*, как и любая лампочка, может освещать помещение или пространство, но это освещение будет слишком слабым (или, наоборот, слишком ярким); на *разведывательном самолете* можно кого-то или что-то перевозить, но он вмещает мало пассажиров или грузов (современные разведывательные самолеты – беспилотники – вообще не перевозят, а только передают информацию, – т.е. это приспособление для наблюдения, как артиллерийский бинокль).

Впрочем, между артефактами с фреймовой специализацией (как *гримерный клей*) и с измененной функцией (как *разведывательный самолет*) нет жесткой границы: хотя *гримерный клей* не является средством гримирования, но приклеивание бороды и усов является средством гримирования, так что отношение средство – цель сохраняется во всех сочетаниях AS с фреймовыми (неактантными) распространителями.

3. Потребительские артефакты

В классе потребительских артефактов будем рассматривать одежду и мебель.

“Потребительские” артефакты устроены существенно иначе, чем агентивные. У агентивных артефактов предназначение соответствует цели агенса, и эта цель – воздействовать на объекты внешнего мира: предназначение ножа – резать, цель агенса – что-то порезать, разрезать, – поэтому агентивные артефакты могут наследовать предикат агенса (*нож режет, клей клеит, краска красит*), – но, конечно, в редуцированном виде и в статусе свойства [17].

Потребительские артефакты “пассивны” по отношению к внешнему миру и по отношению к человеку в ситуации их использования (человек

носит одежду и обувь, сидит на стуле, лежит на диване), – и не могут повышаться до подлежащего при соответствующем предикате: **шапка носит; *стул сидит*.

ПРИМЕЧАНИЕ. В действительности, одежда и даже мебель воздействуют на человека: одежда (и обувь) защищает и согревает, мебель позволяет принимать удобные положения, – но человек при этом выступает как субъект ощущения, т.е. экспериенцер. Однако экспериенциальная семантика при именах потребительских артефактов выражается экспериенциальными же распространителями: *теплые носки, мягкий диван, удобное кресло* (см. [19]).

Внутренний предикат одежды и обуви ‘носить’ лишь условно можно назвать функциональным. Функция одежды – закрывать, защищать и согревать тело человека, и ‘носить’ с этой функцией связан имплицативно (‘если носишь, то тем самым закрываешь / защищаешь’).

В отличие от семантически полноценного глагола действия *носить* (*носить воду из колодца*), предикат ‘носить’ применительно к одежде семантически вырожденный: он имеет локативную семантику и выражает отношение пространственного контакта: ‘носить’ – это ‘иметь на себе’; одежда выступает как своего рода контейнер, в котором находится тело (часть тела) человека, а человек – как место, на котором находится одежда, ср.: *Он в пальто* vs. *На нем пальто*.

Мебель условно можно разделить на опоры для тела и предметов, ср. *кровать, диван, стол, стул, скамейка*, и контейнеры, ср. *шкаф, полка*. Контейнеры, как уже говорилось выше, мы не рассматриваем, так что в дальнейшем в классе “мебель” будут рассматриваться только опоры.

“Локативно-контактная” природа мебели еще более очевидна – мебель является местом в семантической структуре, задаваемой ее внутренним предикатом: ‘У предназначен для того, чтобы Х сидел / лежал на Y-е’. При этом если для реализации ситуации ‘резать’ человеку необходим режущий инструмент, то для реализации ситуации ‘сидеть’ или ‘лежать’ человеку достаточно своего тела, мебель для этого не нужна – просто на кровати лежать комфортнее, чем на полу или на земле. Тем не менее мебель изготавливается и используется именно для того, чтобы реализовывать ситуации ‘сидеть’ / ‘лежать’, и поэтому она является функциональным артефактом.

У потребительских артефактов, как и у агентивных, бывают актантные и фреймовые распространители. Поскольку у потребительских артефактов

Таблица 2

Типы распространителей	Типы потребительских артефактов	
	Одежда и обувь	Мебель
Субъект демогр.	<i>детская одежда; женские брюки; мужская рубашка</i>	<i>детская кровать; детский стул / столик</i>
Пространство	<i>пляжные тапочки</i>	<i>пляжные кресла / топчаны; садовые, дворовые, парковые скамейки</i>
Помещение	<i>домашние тапочки, домашняя одежда; кухонный фартук</i>	<i>кухонный, офисный стол; офисные стулья / кресла, офисная мебель, канцелярский стол</i>
Учреждение	<i>больничный халат; тюремная роба; школьная форма</i>	<i>больничная, гостиничная кровать; тюремные нары; тюремная койка; барные стулья; ресторанный стол; школьная парта</i>
Сфера	<i>военная, полицейская форма; спортивная одежда</i>	<i>армейская кровать</i>
Функциональный субъект	<i>генеральский мундир; солдатские сапоги; поварской колпак; судейская мантия</i>	<i>режиссерский стул; водительское, пилотское сиденье; директорское, редакторское кресло; тренерская, зрительская, судейская скамейка</i>
Ситуация	<i>купальная шапочка; беговая обувь; свадебное платье</i>	<i>обеденный, письменный, банкетный, игровой, операционный стол; гримировальный, массажный, разделочный, сервировочный столик; походная кровать</i>

не может быть функциональной специализации по объекту (у них просто нет объекта), из актантных распространителей для них возможен лишь субъект ('кто использует Y'). Фреймовые распространители у потребительских артефактов такие же, как у агентивных, но они имеют другую интерпретацию.

Языковой материал, иллюстрирующий основные типы распространителей потребительских артефактов, приведен в таблице 2.

Демографические субъектные распространители потребительских артефактов (ср. *мужская vs. женская vs. детская одежда; детская кровать*), в отличие от аналогичных распространителей агентивных артефактов, обозначают функциональные модификации, которые действительно приспособлены именно к особенностям субъекта.

Прилагательные от **функциональных пространств** обозначают не только место, но и время использования, а тем самым указывают на ситуацию: *пляжные кресла* не только находятся на пляже, но и используются потребителем, когда он на пляже, а именно – в ситуации пляжного отдыха. Для этой же ситуации предназначены *пляжные тапочки*.

Локативные распространители от названий **учреждений** (*больничный халат, больничная койка, гостиничная кровать, тюремная роба,*

тюремные нары, школьная форма, школьная парта) также указывают и на место, и на время: *больничный халат* носят, когда находятся в больнице. Кроме того, прилагательные от учреждений *больничный, тюремный, школьный* косвенно указывают на ситуацию (лечение, заключение, обучение) и на субъекта, а именно на "клиента" (в таких учреждениях, как уже говорилось выше, есть "персонал", т.е. агенс-контролер, и "клиент"-потребитель): *больничный халат* носят не врачи и не посетители, а больные, находящиеся на лечении; на *тюремных нарах* лежат заключенные, а не охранники; за *школьной партией* сидят школьники, а не учителя; на *гостиничных кроватях* спят постояльцы, а не персонал.

Прилагательные со значением **сферы деятельности** указывают на ситуацию и на субъекта: *военную форму* носят военные во время военной службы, т.е. во время исполнения соответствующей функции. Аналогично – прилагательные от **функциональных названий лица** обозначают субъекта "при исполнении обязанностей", т.е. в рамках функциональной ситуации: *генеральский мундир* или *солдатские сапоги* носят генералы и солдаты соответственно, причем во время службы (во всяком случае, они предназначены для службы). На *водительском сиденье* сидит водитель во время вождения.

Наконец, собственно **ситуативные** прилагательные обозначают ситуацию использования:

купальная шапочка используется в ситуации купания, *обеденный стол* – в ситуации обеда. Можно считать, что ситуативные распространители не указывают на субъекта, точнее, это указание тривиально (формируется на базе тривиальной импликации: *купальную шапочку* надевает ‘тот, кто купается, купальщик’), но есть исключения – для тех ситуаций, в которых предусмотрена ролевая дифференциация: *свадебное платье* на свадьбу надевает невеста (‘кто вступает в брак’), а не мать и не подружка невесты, также присутствующие на свадьбе.

Если агентивные артефакты, ориентированные на объект, имеют только агентивную функцию, то некоторые потребительские артефакты, ориентированные на субъекта (особенно одежда), помимо потребительской функции могут иметь еще и семиотическую, ср. *военная / полицейская / школьная форма; генеральский мундир*.

В силу тесной связи с субъектом имени потребительских артефактов иногда могут метонимически указывать на состояние или статус этого субъекта: *оказался на больничной койке* [‘заболел’] / *на тюремных нарах* [‘в заключении’] / *на штрафной скамейке* [‘удален с поля’]; *дружат со школьной скамьи* [‘начали дружить, когда учились в школе’]; ср. также AS с прилагательными от названий лица: *мечтает о директорском кресле* [‘о должности’] / *о генеральском мундире*; *много лет провел в директорском кресле* / *носил генеральский мундир* [‘был директором / генералом’]; AS *деканское / депутатское / губернаторское / министерское / премьерское кресло* чаще обозначают не предмет, а должность или статус.

ПРИМЕЧАНИЕ. Для агентивных артефактов такой перенос не свойствен, что закономерно: они не характеризуют агенса-субъекта – *мечтать об охотничьем ружье* не значит ‘хотеть стать охотником’, *оказаться в разведывательном самолете* не значит ‘стать разведчиком или летчиком’, *быть знакомыми с саперной лопатки* не значит ‘со времен службы в армии’ (впрочем, некоторые предложные обороты, указывающие на статус и деятельность субъекта, могут включать как потребительские артефакты, так и агентивные: *десять лет за партией / на нарах / у станка / за баранкой*).

Таким образом, фреймовые распространители так или иначе указывают на ситуацию использования, но роль потребительских артефактов в этой ситуации совершенно другая, чем у агентивных.

В отличие от агентивных артефактов, потребительские не участвуют в реализации ситуации,

обозначенной прилагательным А (даже частично), а только “сопровождают” ее. Для того, чтобы заgrimироваться, нужен *гримерный клей*, хотя и не только он, но для того, чтобы пообедать, *обеденный стол* не нужен – нужен обед; для того, чтобы искупаться, нужна не *купальная шапочка*, а вода; для того, чтобы вылечиться, нужен не *больничный халат*, а лекарства. Стол не является участником ситуации “обедать”, и существительное *стол* не является актантом глагола *обедать*, поскольку человек не “*обедает столом”, а просто сидит за столом, и купаются не с помощью шапочки, а просто в шапочке. Т.е., хотя самая общая формула у потребительских и агентивных артефактов одна и та же (‘для Р’) – *охотничье ружье* – ‘для охоты’, *купальная шапочка* – ‘для купания’, – ее конкретизация будет не одинаковой: *охотничье ружье* используют, ЧТОБЫ охотиться, а *купальную шапочку* – КОГДА купаются.

ПРИМЕЧАНИЕ. Конечно, про *охотничье ружье* тоже можно сказать, что его используют, ‘когда охотятся’, но это тривиальная импликация и более “слабый” смысл, чем ‘чтобы охотиться’.

Таким образом, *обеденный стол* и *купальная шапочка* находятся не в таком отношении к обеду и купанию, как *разведывательный самолет* к разведке или *охотничье ружье* к охоте.

Но, может быть, семантические отношения в AS *купальная шапочка* симметричны отношениям в AS *артиллерийский бинокль* – ведь с помощью бинокля нельзя выстрелить, как и с помощью шапочки нельзя искупаться? Все-таки не симметричны: агентивный артефакт (бинокль) участвует в реализации какого-то этапа ситуации А (артобстрела), и отсутствие агентивного артефакта препятствует достижению цели А (если у вас нет артиллерийского бинокля, вы вряд ли сможете точно прицелиться и попасть в нужный объект), тогда как потребительский артефакт не реализует никакую часть ситуации А (и если у вас нет купальной шапочки, вы сможете искупаться, хотя, возможно, намочите волосы).

Можно ли в таком случае говорить, что прилагательные типа *обеденный* или *купальный* в соответствующих AS выражают функциональную специализацию?

Поскольку в нашей культуре человек, как правило, обедает (и вообще принимает пищу) сидя за столом, то “сидеть за столом” входит во фрейм ситуации “обедать”, и у стола появляется постоянное отношение к ситуации приема пищи, которое и выражается прилагательным; более того, имеется специальный вид столов, которые предназначены именно для данной ситуации.

Таким образом, хотя в сочетаниях типа *купальная шапочка* предмет (референт существительного) не является непосредственным участником ситуации А, он связан с ней регулярными отношениями: он используется не просто “на интервале А”, а “во время реализации А”. Так, *купальная шапочка* связана с ситуацией купания (через воду), приспособлена к обслуживанию этой ситуации – и в этом смысле является функциональным объектом (имеет функциональную специализацию), – а, например, лампы, освещающие бассейн во время купания, не имеют такой специализации и не называются *купальными*.

Особый случай представляют AS с прилагательными от функциональных названий лица – типа *режиссерский стул* или *водительское сиденье*. С точки зрения отношений между ситуациями А и S, они такие же, как у *купальной шапочки*: *режиссерский стул* не участвует в постановке спектакля (как и *купальная шапочка* – в купании), и режиссер на нем сидит не ‘чтобы поставить спектакль’, а ‘когда ставит спектакль’. Но если *купальная шапочка* специально приспособлена к ситуации купания (сшита из водонепроницаемого материала), то *режиссерский стул* – это не специальный стул, а обычный стул. Почему тогда *режиссерский* [стул] надо считать функциональной специализацией, т.е. почему это не обычное относительное прилагательное (‘стул режиссера’), а функциональное (‘стул для режиссера’)?

Режиссерский стул тоже приспособлен к ситуации “постановка, репетиция”, – но не “материально”, не по физическим свойствам (как *купальная шапочка* – к купанию), а пространственно: тем, что стоит напротив сцены, в том месте, где удобно сидеть режиссеру во время репетиции. В этом и состоит его функциональная специализация. Еще больше ориентировано на ситуацию вождения *водительское сиденье*: хотя *водительское сиденье* ничем не отличается от пассажирского, пространственно оно находится напротив руля; аналогично: *директорское кресло* по меньшей мере находится в кабинете директора (даже если оно не больше по размеру и комфортности, чем кресла подчиненных). Благодаря такой “пространственной фиксации” *режиссерский стул* и *водительское сиденье* связаны с деятельностью, которую осуществляет субъект: ‘вести машину’, ‘ставить спектакль, репетировать’ (если режиссер сидит на стуле в кабинете врача, этот стул не называется *режиссерским*).

ПРИМЕЧАНИЕ 1. Конечно, у прилагательных от функциональных названий лица возможно и собственно относительное (притяжательное) значение (‘чей S’), ср.: *Грабители вынесли из*

квартиры все, даже режиссерские стулья – т.е. ‘стулья, принадлежащие режиссеру’. Но у функциональных и посессивных *режиссерских стульев* есть референциальное различие: украденные режиссерские стулья принадлежали референтному режиссеру, а функциональный режиссерский стул ориентирован на нереферентного режиссера¹⁵.

ПРИМЕЧАНИЕ 2. Случаи типа *парикмахерское кресло* или *зубоврачебное кресло* кажутся исключением: в *парикмахерском кресле* сидит не парикмахер, а клиент; в *зубоврачебном* – не врач, а пациент. В действительности, эти прилагательные связаны не с субъектом, а с учреждением (помещением) – *парикмахерская* и *зубоврачебный кабинет* соответственно, т.е. должны интерпретироваться как *больничная кровать* и *тюремные нары* (в контексте учреждений, как уже говорилось, потребительские артефакты имеют формулу ‘используется клиентом’).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

У всех AS с относительным прилагательным есть скрытый предикат, на базе которого строится семантическая формула AS и реконструируется его смысл. Для сочетаний типа *овощной суп* этот предикат (‘приготовлен из’) извлекается не из А и не из S (*суп* не содержит семантического предиката ‘готовить’ в ядерной части значения), а из фрейма референта существительного S: например, во фрейме супа входит идея приготовления и материала (который, кстати, является актантом глаголов *готовить, варить* [из чего]). Семантические формулы подобных сочетаний часто получают словарную фиксацию как значения относительных прилагательных – причем не только в общем виде (‘относящийся к’), но и в более конкретном (‘сделанный из’, ‘состоящий из’ и др.).

Семантические формулы обозначений функциональных артефактов типа *овощной нож* строятся на базе предиката, извлекаемого из S, а потому ни значения таких сочетаний, ни роль прилагательного в них не отражаются в словаре. В лучшем случае специфика функциональных артефактов передается формулами ‘предназначен для Р’, ‘используется в месте / ситуации W’, которые, однако, являются слишком общими и к тому же имеют разный смысл для разных типов артефактов.

¹⁵ Наконец, возможна и актуальная интерпретация, например: *Ты занял режиссерский стул* – ‘стул, на котором до этого сидел режиссер’.

В данной работе мы ставили две задачи – когнитивную и грамматическую: мы хотели выяснить, что ПОНИМАЕТ человек, которому “предъявлено” сочетание AS с функциональным значением, и какую семантическую формулу / синтаксическую структуру он РЕКОНСТРУИРУЕТ на базе функционального предиката S (предикатов A и S, если A тоже отпредикатное). Подведем итоги.

С когнитивной точки зрения общая формула “обычных” относительных прилагательных ‘X имеет отношение к Y-у’ слишком абстрактна и подлежит дальнейшей конкретизации. Если человек может только сказать, что *вишневый сок* ‘имеет отношение к вишне’ и не может сформулировать, чем *вишневый сок* отличается от *вишневого сада* и от *вишневой косточки*, т.е. не может реконструировать конкретные семантические формулы, значит, он не понимает смысла этих словосочетаний.

Общая формула функциональных AS ‘Y (предназначен / используется) для P’ так же абстрактна и малосодержательна, как и общая формула относительных прилагательных, и тоже должна конкретизироваться. Так, можно считать, что сочетания *разведывательный самолет* и *купальная шапочка* имеют формулы ‘для разведки’ и ‘для купания’. Однако интерпретатор понимает, что с помощью самолета можно произвести разведку, а с помощью шапочки нельзя искупаться (нужна вода). Аналогично: *хирургический нож* и *режиссерский стул* имеют как будто бы одинаковую формулу: ‘кто и в какой ситуации использует Y’, но на следующем шаге выясняется, что с помощью ножа можно сделать операцию, а с помощью стула нельзя поставить спектакль. *Кухонный нож* и *больничный халат* указывают на место, где они используются, а это место, в свою очередь, регулярно связано с определенной ситуацией – приготовлением пищи и лечением соответственно. Однако роль этих артефактов в соответствующих ситуациях различна. *Кухонный нож* участвует в приготовлении пищи, – он обеспечивает реализацию одного из этапов этого процесса, – а *больничный халат* не участвует в лечении ни на каком этапе. Следовательно, интерпретатор, который понимает смысл этих сочетаний и различия между ними, строит более конкретную формулу, чем ‘для P’.

Различия в интерпретации разных AS зависят от типа артефакта и типа распространителя:

– разные типы функциональных артефактов – агентивные и потребительские – по-разному используются человеком: агентивные воздействуют на что-либо и участвуют в достижении результа-

та (“каузативные”), потребительские, находясь в контакте с телом человека, сопровождают какую-либо ситуацию (“пространственно-временные”). Соответственно, общая формула ‘для P’ у агентивных и потребительских артефактов имеет разный смысл, а одни и те же типы функциональных распространителей – актантные (объект, субъект) и фреймовые (место, сфера, функциональный субъект, ситуация) – в контексте агентивных и потребительских артефактов будут интерпретироваться по-разному;

– разные типы функциональных распространителей A по-разному связаны с внутренним функциональным предикатом артефакта S, вследствие чего формулы AS эксплицируются разными синтаксическими структурами. Актантные распространители присоединяются непосредственно к внутреннему предикату артефакта S, что является аналогом **предикатно-аргументной структуры** в рамках простого предложения. При присоединении фреймового, ситуативного (в широком смысле) распространителя возникают более сложные отношения между двумя предикатами – внутренним (S) и внешним (A), – и это уже аналог **полипредикативных отношений** (сложного предложения). При этом фреймовые распространители агентивных и потребительских артефактов присоединяются разными операторами (‘чтобы’ vs. ‘когда’).

Агентивный артефакт предназначен для воздействия, и главный его распространитель – объект воздействия, а его функциональная специализация состоит в приспособлении к определенному типу объектов. Есть две основные когнитивные модели указания на объект – прямая и косвенная (имплицативная – через функциональный фрейм). Объектный (актантный) распространитель прямо указывает на объект, ср. *хлебный нож*, *паркетный лак*. Неактантные, фреймовые распространители – место, сфера, функциональный субъект, ситуация использования – прямо или косвенно указывают на деятельность, в рамках которой используется артефакт, а тем самым – на объекты, которые типичны для этой деятельности и “вычисляются” по ее обозначению. Таким образом, при всем разнообразии характеристик агентивных артефактов их суть одна – объектная. За агентивным артефактом стоит агентивный тип предложения, переходная конструкция. И как бы ни маскировали распространители эту переходность, эту направленность на объект, на каком-то шаге она обязательно всплывает. Исключение составляют случаи, когда функцией артефакта становится не воздействие на объект, а реализация ситуации, связанной, например, с получением информации

человеком (*разведывательный самолет, сигнальная лампочка*) или с получением удовольствия (*прогулочный катер*).

Если агентивные артефакты имеют разные внутренние предикаты ('резать', 'клеить', 'копать', 'стрелять'), то потребительские артефакты, в широком смысле, имеют один предикат – 'контакт', – который реализуется в двух вариантах: либо человек находится в контакте с артефактом (мебель), либо артефакт находится в контакте с человеком (одежда).

Потребительские артефакты сами по себе не участвуют в реализации каких-либо ситуаций, не воздействуют на окружающий мир, а просто создают для человека более благоприятные условия – так сказать, обслуживают тело человека – в ходе самых разных ситуаций и видов деятельности. Поэтому естественно, что, в противоположность агентивным, потребительские артефакты ориентированы на субъекта – человека. На субъекта указывают не только субъектные распространители, но и – косвенно – другие типы распространителей. Важно помнить, однако, что это не субъект-агента, а субъект-“потребитель”. Именно поэтому для потребительских артефактов так характерны распространители от названий учреждений: учреждения предполагают, наряду с агентивным “персоналом”, пассивных “клиентов”, и соответствующий распространитель указывает именно на “клиента”: *ресторанный столик* – на посетителя, *больничный халат* – на больного, *тюремные нары* – на заключенного. И даже прилагательные от функциональных названий лица (т.е. от имен агента) не включают потребительский артефакт в агентивную ситуацию (*водительское сиденье*, на котором находится водитель во время вождения (агентивной ситуации), не “помогает” вести машину, в отличие, например, от руля).

Фреймовые распространители потребительских артефактов, как и агентивных, указывают на какую-то ситуацию, но потребительские артефакты встроены в нее иначе, чем агентивные. Так, *полицейская* или *школьная форма* не участвует в реализации какой-либо конкретной ситуации, а просто показывает, что соответствующий субъект находится “при исполнении обязанностей”, – т.е. выполняет скорее семиотическую функцию. Интересно, что хотя потребительские артефакты просто “сопровождают” ситуацию, иногда они ориентированы на ситуацию (“приспособлены” к ней) даже больше, чем агентивные: *строительный клей* не ориентирован непосредственно на строительство, он просто соединяет какие-то объекты в ходе строительства и дает большую прочность,

чем, скажем, канцелярский клей, а *купальная шапочка* ориентирована непосредственно на купание и делается из непромокаемого материала. При этом она ориентирована также и на субъекта, т.к. удовлетворяет его потребительские запросы. Именно благодаря связи с субъектом потребительские артефакты могут обозначать статус или должность (*директорское кресло*).

Различия агентивных и потребительских артефактов отражаются и в тех синтаксических структурах, которые эксплицируют отношения между внутренним предикатом артефакта S и внешним предикатом фреймового распространителя A. Семантический оператор, который отражает связь агентивного артефакта с ситуацией A, – ‘чтобы’; семантический оператор, присоединяющий ситуацию A к предикату потребительского артефакта, – ‘когда’:

гримерный клей = ‘человек приклеивает что-то, ЧТОБЫ загримироваться’;

хирургический нож = ‘хирург использует Y, ЧТОБЫ оперировать’;

режиссерский стул = ‘режиссер сидит на Y-е, КОГДА ставит спектакль’.

Т.е. во внутреннем синтаксисе AS с агентивными и потребительскими артефактами доминируют разные обстоятельственные отношения.

Лишним доказательством того, что семантические формулы AS – область скрытой грамматики, является возможность перифразирования (подобная синонимическому перифразированию предложений). В частности, при таком перифразировании можно получить внешне похожие формулы для агентивных и потребительских артефактов:

гримерный клей = ‘чтобы – приклеивая что-то – гримироваться’;

режиссерский стул = ‘чтобы – сидя на стуле – ставить спектакль’.

Однако это сходство обманчиво, ср.: *гримерный клей* = ‘чтобы приклеивать что-то и ТЕМ САМЫМ гримироваться’, но *режиссерский стул* ≠ *‘чтобы сидеть на стуле и тем самым ставить спектакль’. Невозможность включения в формулу ‘тем самым’ отражает отсутствие каузативности в семантике потребительских артефактов.

С другой стороны, оператор ‘когда’ в семантической структуре AS с потребительским артефактом связан не просто с временем, с интервалом ситуации A, а – через этот интервал – именно с реализацией ситуации A. Иначе можно сказать, что “во время A”, “когда A” имеет две интерпретации: ‘на интервале A’ и ‘во время реализации A’, и

AS с потребительским артефактом соответствует второй. Эту специфическую связь артефакта с ситуацией А можно проиллюстрировать на примере адвербиальных выражений типа *в ресторане*, которые имеют такую же неоднозначность. *Он в ресторане* может означать, что он просто находится в ресторане (например, забежал туда, скрываясь от полиции) или что он находится там в качестве клиента (например, ужинает), см. [20]. Аналогично – с интерпретацией интервала ‘когда А’. ‘Когда А’ в формуле потребительского артефакта связано с реализацией А, поэтому бывает *режиссерский стул*, но не бывает режиссерской шляпы (в функциональном, не-посессивном смысле), т.к. шляпа не связана с постановкой спектакля, – и наоборот, бывает *поварской колпак*, но не бывает поварского стула (в функциональном смысле, – хотя повар, конечно, сидит на каком-то стуле, когда отдыхает), – потому что именно колпак связан с ситуацией приготовления пищи. Таким образом, потребительские артефакты не просто ‘используются во время деятельности А’, а ‘создают благоприятные условия для деятельности А’, хотя и не участвуют непосредственно в достижении результата А. Т.е. это не случайное совпадение во времени, какое бывает в мире событий (*Когда мы разговаривали, за стеной кто-то был*), а разновидность функциональной специализации, как и у агентивных артефактов.

В заключение отметим, что сочетания относительных прилагательных с именами функциональных артефактов – яркая иллюстрация функционирования редуцированных предикатов, которые образуют сферу скрытой грамматики со своими правилами и ограничениями и должны быть встроены в общую систему грамматического описания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Павлов В.М. О разрядах имен прилагательных в русском языке // Вопросы языкознания. 1960. № 2. [Pavlov, V.M. [On the Classes of the Adjectives in the Russian Language] *Voprosy yazykoznaniya* [Linguistic Inquiry]. 1960, no. 2.].
2. Павлов В.М. Предметно-относительный атрибут как типологическая константа // Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. СПб., 2005. [Pavlov, V.M. [Subject-Relational Attribute as Typological Constant] *Problemy funkcional'noj grammatiki. Polevye struktury* [Problems of the Functional Grammar. Field Structures]. St. Petersburg, 2005.].
3. Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука – Школа “Языки русской культуры”, 1999. – 275 с. [Panov, M.V. *Pozicionnaya morfologiya russkogo yazyka* [Positional Morphology of the Russian Language]. Moscow: Nauka Publ., 1999. 275 p.].
4. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Языки русской культуры, 1974. – 464 с. [Apresyan, Yu.D. *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical Semantics. Linguistic Means of Synonymy]. Moscow: Yazyki Russkoi Kultury Publ., 1974. 464 p.].
5. Земская Е.А. Относительное прилагательное как конструктивный элемент номинативной системы современного языка // Грамматические исследования: Функционально-стилистический аспект. М., 1991. [Zemskaya, E.A. [Relative Adjective as the Constructive Element of the Nominative System of the Modern Language] *Grammaticheskie issledovaniya: Funkcional'no-stilisticheskij aspekt* [Grammar Studies: A Functional-Stylistic Aspect]. Moscow, 1991.].
6. Земская Е.А. Относительное прилагательное как специфический класс производных слов // Е.А. Земская. Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь. М., 2004. [Zemskaya, E.A. [Relative Adjective as a Special Class of Derivative Words] *E.A. Zemskaya. Yazyk kak deyatel'nost. Morfema. Slovo. Rech* [Zemskaya, E.A. Language as Activity. A Morpheme. A Word. Speech.]. Moscow, 2004.].
7. Кустова Г.И. Прилагательные в составе номинаций лица // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции “Диалог-2010”. М., 2010. [Kustova, G.I. [Adjectives as a Part of Person Nominations] *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoj konferencii “Dialogue-2010”* [Computer Linguistic and Intellectual Technologies. Proceedings of the International Conference “Dialogue-2010”]. Moscow, 2010.].
8. Арутюнова Н.Д. Функциональное значение // Н.Д. Арутюнова. Язык и мир человека. М., 1999. [Arutyunova, N.D. [Functional Meaning] *N.D. Arutyunova. Yazyk i mir cheloveka* [Arutyunova, N.D. The Language and the Human World]. Moscow, 1999.].
9. Ермакова О.П. Контекстно обусловленная сочетаемость идентифицирующих существительных с прилагательными // Синтаксис текста. М., 1979. [Ermakova, O.P. [Context-related Compatibility of the Identifying Nouns and Adjectives] *Sintaksis teksta* [Textual Syntax]. Moscow, 1979.].
10. Partee B.H. The Dynamics of Adjective Meaning. Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Dialogue 2009. Moscow, 2009.
11. Левонтина И.Б. Понятие цели и семантика целевых слов русского языка // Языковая картина мира и системная лексикография. Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2006. [Levontina, I.B. [The Concept of Purpose and Purposive Words Semantic in the Russian Language] *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya. Otv. red. Yu.D. Apresyan* [The Language-Specific

- Picture of the World and Systematic Lexicography. Apresyan, Yu.D. (Ed.). Moscow, 2006.].
12. Кустова Г.И. Электронный семантический словарь глагольных прилагательных: структура и типы информации // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции “Диалог-2009”. М., 2009. [Kustova, G.I. [Computer Semantic Lexicon of Verbal Adjectives: Structure and Types of Information] *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoj konferencii "Dialogue-2010"* [Computer Linguistic and Intellectual Technologies. Proceedings of the International Conference “Dialogue-2009”]. Moscow, 2009].
13. Словарь русского языка в 4-х тт. Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984 (МАС). [Slovar russkogo yazyka v 4-h tt. Pod red. A.P. Evgenievoj [The Russian Language Lexicon in 4 Vols. Evgenieva, A.P. (Ed.)]. Moscow, 1981–1984.].
14. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. – 416 с. [Rakhilina, E.V. *Kognitivnyj analiz predmetnyh imen: semantika i sochetayemost* [Cognitive Analysis of Subjective Nouns: Semantics and Compatibility]. Moscow: Russkie Slovarei Publ., 2008. 416 p.].
15. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей “Смысл ⇔ Текст”. Семантика, Синтаксис. М., “Наука”, 1974. 2-е изд. – М.: Школа “Языки русской культуры”, 1999. – 346 с. [Melchuk, I.A. *Opyt teorii lingvisticheskikh modelej "Smysl – Tekst". Semantika, Sintaksis* [A Case in Theory of the Linguistic Models “Sense – Text”. Semantics, Syntax]. Moscow: Nauka Publ., 1974. 2-nd Ed. – Moscow: Shkola “Yazyki russkoj kultury” Publ., 1999. 346 p.].
16. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 609 с. [Paducheva, E.V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic Models in the Lexical Semantics]. Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kultury Publ., 2004. 609 p.].
17. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 472 с. [Kustova, G.I. *Tipy proizvodnyh znachenij i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Types of Derivative Meanings and Language Expansion Mechanism]. Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kultury Publ., 2004. 472 p.].
18. Рахилина Е.В. Семантика отыменных прилагательных // Лики языка: К 45-летию научной деятельности Е.А. Земской. Под. ред. М.Я. Гловинской. М., 1998. [Rakhilina, E.V. [Semantics of the Noun Adjectives] *Liki yazyka: K 45-letiyu nauchnoj deyatel'nosti E.A. Zemskoj. Pod. red. M.Ya. Glovinskoj* [Language Images: In Celebration of the 45th Scholarly Service Anniversary of the of E.A. Zemskaya. Glovinskaya, M. Ya. (Ed.)]. Moscow, 1998.].
19. Кустова Г.И. Системные связи и системные значения экспериенциальных прилагательных: предметные и пространственные контексты // Русский язык в научном освещении. 2013. № 1 (25). [Kustova, G.I. [Systematic Interrelations and Systemic Meanings of Experience Adjectives: The Contexts of Subject and Space] *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii* [The Russian Language in Scientific Coverage]. 2013, No. 1 (25)].
20. Кустова Г.И. Семантическая разметка в электронных корпусах и электронных словарях // Труды международной конференции “Корпусная лингвистика–2011”. СПб., 2011. [Kustova, G.I. [Semantic Marking in Computer Corpora and Computer Dictionaries] *Trudy mezhdunarodnoj konferencii "Korpusnaya lingvistika–2011"* [Proceedings of the International Conference “Corpus Linguistic – 2011”]. St. Petersburg, 2011.].